

Последнее время семья Шэнь жила, как в полусне: похороны, заботы о Лин Сине, что всё это время не приходил в себя, - и сердце устало, и тело выбилось из сил. Они были хозяевами в доме, потому всё легло на их плечи: устроить похороны, принять гостей, соблюсти обряды. Печаль была, но глубоко внутри. На неё просто не хватало времени.

Теперь, когда всё позади, когда пепел развеян, когда не надо никуда спешить... достаточно лишь на миг подумать о Шэнь Хуане, и слёзы наворачиваются сами собой. Слишком ясно, что он ушёл. Ушёл навсегда. Можно горевать, можно скучать, но нельзя больше обнять, нельзя услышать голос, нельзя просто поговорить.

Горе заразительно. Стоявший за пологом Лин Син, с самого начала подслушивавший разговор, тоже ощутил, как к глазам подступила влага. Он оплакивал не только Шэнь Хуана, жаль было и себя. Теперь он совершенно один, да ещё и в незнакомом мире, в теле другого человека, в чужой семье, в чужой жизни.

Он мог сколько угодно раньше себя утешать, убеждать, что всё не так уж и плохо, что надо просто «идти вперёд». Но как бы он ни уговаривал себя... всё вокруг оставалось чужим, непонятным, пугающим. Новый мир, новые люди, незнакомая эпоха и полное отсутствие опоры. Он, как младенец, только что открывший глаза - ничего, кроме темноты, не знал.

Дальнейшая жизнь казалась неопределённой и пугающей. Это чувство, будто завис в воздухе, сердце пустое, а ногам не за что зацепиться, изматывало куда сильнее, чем холод или голод.

Лин Син больше не стал стоять за пологом. Он ведь выходил только потому, что испугался - вдруг что-то случилось. Теперь, поняв, в чём дело, он молча повернулся и вернулся в постель.

Но заснуть не смог. Слова Шэнь Лая крутились в голове и тревожили, как заноза под кожей. Он остро почувствовал, как хрупок его нынешний быт, как легко всё может пойти под откос, стоит кому-то из семьи не выдержать.

Семья Шэнь бедна.

А он беднее них.

Совсем нищий.

А деньги...

Где взять деньги?

Лин Син ворочался в постели почти до рассвета, только под утро, измученный тревогой, провалился в неглубокий сон. А проснулся от того, что кто-то его тряс. Открыв глаза, он сразу увидел перед собой девочку с двумя тугими косичками на голове. Она сидела прямо у него на

постели и беззастенчиво его разглядывала.

Девочка была очень худой, волосы её потускнели, местами редели, голова казалась слишком большой по сравнению с тоненькими ручками и ножками. Увидев, что Лин Син открыл глаза, она испуганно втянула голову в плечи и тихо проговорила:

— Бабушка велела позвать старшую тетю на завтрак...

Лин Син моргнул, сосредоточился, и, сопоставив лицо девочки с памятью, понял, кто это. Это была одна из двойняшек, которых в дом Шэнь привела жена четвёртого брата - Цао Маньюэ. Семилетняя девочка выглядела на четыре, от силы пять лет, такая она была крохотная и щуплая. В древности дети часто умирали в младенчестве, и недоедание в этом играло не последнюю роль.

Шэнь Хуан однажды упомянул имена детей. После того как их мать привела их в дом Шэнь, близнецы сменили фамилию. Теперь девочку звали Шэнь Сяочунь, а её брата - Шэнь Сяося.

Лин Син потер лицо, пытаясь окончательно прийти в себя, и мягко сказал:

— Хорошо, Сяочунь, я сейчас встану.

Выполнив поручение бабушки, Шэнь Сяочунь не осмелилась задерживаться в комнате и быстро соскочила с кровати, стрелой выскочив за дверь.

Одежда самого Лин Сина была в таком плачевном состоянии, что надеть её было просто невозможно. Та заплатанная одежда, в которой он прибыл в дом женихом, была найдена для него семьёй Шэнь. Своё же рваньё он не выбросил - надел под низ, надеясь, что это хоть немного убержёт от холода.

Одевшись, Лин Син сунул ноги в изношенные соломенные сандалии и откинул занавеску, выходя наружу.

У подножия горы, где стоял дом, из всех дворов была лишь семья Шэнь - единственная на всю округу. Хотя дом с двором занимали довольно приличную площадь, сами помещения были скромными: когда строили, старались сэкономить, поэтому всё получилось довольно тесным.

Главный дом делился на три комнаты. Восточная комната раньше принадлежала Шэнь Хуану, больному, которому требовалась тишина и покой, поэтому он жил один. После смерти Шэнь Хуана в этой комнате поселился Лин Син. Западную комнату занимали старики из семьи Шэнь, отец и мать. Вечером в главной зале, где устраивали трапезы, ставили табуретки и доски, чтобы собрать самодельную кровать - там спал Шэнь Лай. Раньше, до замужества Шэнь Янь, она делила с ним ночлег в этой же зале.

С двух сторон от главного дома также были пристройки. В восточной стороне - комната, где спали Шэнь Гуй с женой и двумя детьми. На западе располагалась кухонная постройка, и в ней, за тканевой занавеской, спал Шэнь Хуэй. Кухня примыкала к склону горы, поэтому там всегда было много насекомых, а порой даже заползали змеи. Из всей семьи лишь Шэнь Хуэй осмеливался ночевать в таком месте, остальные и слышать об этом не хотели.

На дворе стояли первые числа второго месяца по лунному календарю - ещё холодно. Поэтому еду вся семья ела в кухонной постройке, где было хоть немного теплее. Чтобы сэкономить дрова, недогоревшие ветки и щепки вытаскивали наружу, тушили и складывали в угол на следующий раз.

Еду приготовили совсем недавно, в кухне всё ещё ощущалось тепло. Старая деревянная столешница давно покрылась трещинами, чётко видимыми на её неровной поверхности. Из четырёх ножек у стола три были подперты камнями, чтобы конструкция хоть как-то держалась. Скамейки в доме были не лучше - у каждой не хватало хотя бы одной ножки. Садясь, нужно было быть предельно осторожным: держать равновесие и не делать резких движений, иначе можно было запросто рухнуть на пол.

Когда Лин Син был в беспамятстве, ухаживать за ним несколько дней приходилось Шэнь Лаю, у остальных попросту не было на это времени.

Увидев, как Лин Син дрожит от холода, тот сразу хлопнул по пустой скамейке рядом с собой:

— Старшая невестка, садись ко мне поближе!

Лин Син обернулся на голос, и как только увидел Шэнь Лая, сразу вспомнил, как в первые дни, очнувшись, сам без зазрения совести съел целых три чашки лапши. Тогда он ещё не знал, в каком бедственном положении находится семья Шэнь, и, оказывается, съел всю муку, что хранилась специально ко дню рождения ребёнка. Теперь, вспоминая это, ему было неловко. Он твёрдо решил - обязательно нужно будет как-то это восполнить.

С этой мыслью Лин Син немного расслабился, улыбнулся и направился к Шэнь Лаю, аккуратно сев рядом. Из-за того, что у скамейки не хватало одной ножки, сидел он предельно ровно, боясь потерять равновесие и грохнуться прямо на пол.

Сюй Юфан всё это время стояла у очага. Набрав в щербатую глиняную чашку горячего отвара, она подала её Лин Сину. Тот, принимая чашку, поблагодарил:

— Спасибо, мама.

Сюй Юфан покачала головой:

— В одной семье живём, какие уж тут "спасибо". Ешь скорее.

Шэнь Лай уставился в миску Лин Сина, в глазах мелькнуло нескрываемое восхищение и зависть. В его чашке мучной каши было куда меньше.

Лин Син поначалу и сам не понял, что именно ему налили. Только сделав глоток, понял - это была жидкая мучная болтушка, сваренная на воде из грубо перемолотой муки. Из-за грубого помола в ней осталось много отрубей, цвет у смеси был сероватый, и она жутко царапала горло, проходя вниз. Проглотить было действительно непросто.

А тем временем, сидевшие рядом Шэнь Лай, Шэнь Сяочунь (та самая девочка, что звала его утром), и Шэнь Сяося, её брат-близнец, такой же худой, с непропорционально большой головой, как и она, смотрели на него с завистью. Их тонкие шеи вытягивались к его чашке, будто они моглинюхать хоть каплю тепла или сытости.

А у него, как назло, была самая полная чашка. От этого Лин Сину стало ещё горше, и казавшаяся безвкусной мучная похлёбка стала вовсе несъедобной.

В прошлой жизни, в детстве, семья Лин Сина тоже жила бедно. Но даже тогда отруби шли разве что в корм свиньям да курам, уж точно не в еду для людей... Что же это за жизнь такая? Как можно жить в такой нищете, что даже отрубями невозможно досыта поесть?

Он опустил чашку, сначала пододвинулся к сидящему рядом Шэнь Лаю и перелил ему часть своей каши, потом встал и разлил немного каши и в чашки Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося. Шэнь Лай, конечно же, обрадовался, а вот два младших ребёнка испугались и сразу замерли, словно сделали что-то не так.

Сюй Юфан тоже заметила, что делает Лин Син, тяжело вздохнула и потянулась к котелку, чтобы добавить ему ещё:

— У тебя тело слабое, тебе нужно есть больше. Да и каша эта не бог весть что. Если даже её есть вполвину, то как же жить дальше?

В чашке Лин Сина оставалось ещё полчашки. Он посмотрел в котёл - там и вовсе почти пусто. Едва ли наберётся две полных ложки. Сюй Юфан, скорее всего, сама ещё не ела. Лин Син поспешно прикрыл свою чашку ладонью:

— Мам, я ещё не голоден.

Он не хотел снова объедать их скудный паёк. Быстро оглянувшись по сторонам, чтобы сменить тему, он спросил:

— А где отец и остальные?

В кухне сейчас были только Шэнь Лай, Шэнь Сяочунь с братом и сама Сюй Юфан. Остальные

члены семьи куда-то исчезли.

Увидев, что Лин Син действительно не хочет доедать кашу, Сюй Юфан не стала настаивать. И впрямь, еда так себе. Вот потеплеет, весной, она нарвёт нежной дикой зелени и сварит что-нибудь получше, чтобы подкормить парня, восстановить его здоровье.

— Они давно поели и ушли за хворостом, — объяснила она. — Пока на улице ещё холодно, хворост в цене.

«А то скоро нам вообще нечего будет есть», — мысленно добавила она, не желая пугать домочадцев.

Февраль - месяц ни то ни сё. Звери в горах всё ещё в спячке, трава и зелень не выросли, кругом одни голые деревья да высохшие сорняки. Кроме как собирать хворост, в горы идти сейчас было попросту незачем.

После завтрака Сюй Юфан вытолкала Лин Сина из кухни, велела идти в комнату отдохнуть. Шэнь Лай, благодаря тому, что Лин Син поделился с ним кашей, резко проникся к новоиспечённой невестке симпатией. Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося тоже почувствовали к нему теплое расположение. Раньше мать всегда велела им есть как можно меньше, чтобы не доставлять семье Шэнь лишних хлопот. А сегодня это был самый сытный завтрак за всё их пребывание здесь. Да, живот всё ещё урчит, но по сравнению с привычным голодом - настоящий праздник.

Дел по дому особо не было. В других дворах хоть куры с утками водятся, а у кого побогаче - и свиньи. У семьи Шэнь же ничего нет. Разве что с наступлением весны, когда оттаёт земля, в огороде можно будет вскопать грядки да посадить овощи. Но сейчас даже для этого рано.

Сюй Юфан не стала заставлять детей помогать ей у плиты. Вместо этого она повернулась к Шэнь Лаю и велела:

— Возьми Сяочунь с Сяося, сходите к вашей старшей невестке, посидите с ним, поговорите. Он ведь только попал в наш дом, пусть ему не будет одиноко, чтобы не тосковал по дому.

Услышав слова матери, Шэнь Лай мигом схватил за руки Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося, и всей троицей они вихрем влетели в восточную комнату.

— Старшая невестка!

Лин Син сидел на кровати, закутанный в меховую одежду, и, дрожа от холода, дышал на ладони, пытаясь согреться. Заметив, что дети вошли, он поспешил пригласить их на кровать - у всех троих одежда была не теплее его, и их лица были фиолетовыми от холода.

Шэнь Лай не стал церемониться - быстро стянул соломенные сандалии и вместе с братом и сестрой полез к Лин Сину под одеяло болтать.

— Эта тряпка сдавливает мне голову, — пожаловался Шэнь Лай, стаскивая со лба серую ткань.

Лин Син только сейчас заметил: между бровями у мальчика выделялась чуть выпуклая родинка алого цвета. Это была родинка плодовитости, отличительный признак гера.

<http://bllate.org/book/13938/1228838>